

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА *

В. В. Каргалов

5. Нашествие

О начале нашествия полчищ Батя на Северо-Восточную Русь русские летописцы, а также восточные и западные источники сообщают очень кратко. Персидский историк Рашид-ад-Дин записал, что потомки Чингиса — Бату, Орда, Берке, Кадан, Менгу, Гуюк, Бури и Кулькан — в 1237 г. закончили войну с народами Среднего Поволжья и «осенью упомянутого года... пошли войной на русских»¹. Венгерский монах Юлиан свидетельствовал, что монголо-татары сосредоточились у границ Руси и «ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, страну русских»². Основные станы завоевателей, по его данным, находились «близ замка Воронеж», у рязанской границы. Русский летописец утверждал, что монголо-татары до вторжения в Северо-Восточную Русь «зимовали под Черным лесом и оттуда пришли безвестно на Рязанскую землю лесом». «Черный лес» находился в пойме реки Воронеж, или в междуречье Воронежа и Дона, где долго стояли монголо-татары перед зимним походом на Русь. Сюда стекались отряды завоевателей, закончившие войну на юге с половцами и аланами. Отсюда «на зиму пришли от восточной стороны на Рязанскую землю лесом безбожные татары с царем Батием и, придя, стали сначала на Онузе (точное местоположение Онузы неизвестно. Видимо, это где-то в среднем течении рек Лесной Воронеж и Польной Воронеж. — В. К.) и послали послов своих женщину-чародейцу (колдунью) и двух мужчин с нею к князьям Рязанским, прося у них десятину (десятую часть) во всем: в князьях и в людях и в конях»³. Видимо, от «замка Воронеж» монголо-татарское войско шло вдоль края лесов, протянувшихся в пойме реки Воронеж. По этому пути, прикрытому лесами от рязанских сторожевых постов на правом берегу Воронежа, завоеватели могли «безвестно» подойти к среднему течению рек Лесной Воронеж и Польной Воронеж, вплоть до широкого прохода в массиве лесов, через который монгольская конница затем вырвалась на просторы Рязанского княжества. О дальнейших событиях рассказывается в «Повести о разорении Рязани Батием» так:

«И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский о приходе безбожного царя Батя, и вскоре послал в город Владимир к благоверному к великому князю Георгию (Юрию) Всеволодовичу Владимирскому, прося помощи у него на безбожного царя Батя, или бы сам пришел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский сам не пошел и на помощь не послал, хотя сам отдельно битися с Батием. И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и послал за братьями своими, за князем Давидом Ингоревичем Муромским, и за князем Глебом Ингоревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за прочими князьями. И начали совещаться, как нечестивого (Батя) умилиставить дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батю с дарами и моле им великим, чтобы не воевал Рязанскую землю. И князь Федор Юрьевич пришел к реку Воронеж к царю Батю, и принес ему дары, и просил царя, чтобы не воевал Рязанскую землю. Безбожный царь Батый принял дары и лживо обещал не воевать Рязанскую землю». Однако свое обещание он не выполнил и перебил княжеское посольство. Когда весть об этом достигла Рязани, князь Юрий Ингоревич «начал собирать воинство свое» и обратился к остальным князьям: «Лучше нам

* Продолжение. Начало см. «Вопросы истории», 1969, № 2.

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М. 1941, стр. 36 (далее — Тизенгаузен, II).

² С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII в. о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив». Т. 3, 1940, стр. 86.

³ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XV. СПб. 1863, стб. 336; т. I. М. 1962, стб. 514.

умереть, чем в поганой воле быть!» Рязанское войско пошло против Батые и «встретило его близ пределов рязанских. И напали на него, и начали биться крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Многие полки сильные пали Батыевы. А Батыева сила была велика, один бился с тысячею, а два — с тьмою (десятью тысячами)... Все полки татарские дивились крепости и мужеству рязанскому. И едва одолели их сильные полки татарские. Тут убит был благоверный князь великий Георгий Ингоревич, брат его князь Давид Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский⁴, и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удалыи и резвцыи рязанские. Все равно умерли и единую смертную чашу испили. Ни один из них не возвратился вспять: все вместе мертвые лежали... И начали воевать Рязанскую землю, и велел (Батый) бить, и сечь, и жечь без милости. И град Пронск, и град Белгород, и Ижеславец разорил до основания, и всех людей побили без милости. И текла кровь христианская, как река сильная... Царь Батый окаянный начал воевать Рязанскую землю, и пришли к городу Рязани. И обступили град, и начали биться неотступно пять дней. Батыево войско сменялось, а горожане бились непрерывно. И многих горожан побили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день рано (утром) пришли поганые к городу, одни с огнем, а иные с пороками⁵, а иные с бесчисленными лестницами, и взяли град Рязань месяца декабря в 21 день. И пришли в церковь соборную и великую княгиню Агратену, мать великого князя, с снохами и с прочими княгинями мечами иссекли, а епископа и священников предали огню, в святой церкви сожгли, а иные многие пали от оружия. А в городе многих людей, и женщины, и детей мечами иссекли. И иных в реке потопили, и весь город сожгли, и все богатство рязанское взяли... И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отцу и матери о детях, ни брату о брате, ни ближнему о родственниках, но все вместе мертвые лежали. На месте богатого и многолюдного города остались обгорелые развалины, похоронившие под собой множество погибших рязанцев. В земле Рязанской после нашествия остались «только дым и пепел»⁶.

Автор «Повести о разорении Рязани Батыем» исторически достоверно нарисовал общую картину страшного народного бедствия. Несмотря на неравенство сил, рязанцы не заперлись в городах, а вышли навстречу врагу. Однако их одолело монголо-татарское войско, которое затем двинулось вглубь Рязанского княжества. Оно пересекло «Половецкое поле» (безлесное пространство между реками Рановой и Пронью) и пошло вниз по Прони к Рязани, разрушая по пути города и веси. Старая Рязань стояла на высоком правом берегу Оки, ниже устья Прони, недалеко от нынешнего Спасска. С трех сторон город окружали мощные земляные валы и рвы. С четвертой стороны к Оке обрывался крутой речной берег. Валы Старой Рязани достигали высоты 9—10 м (при ширине у основания 23—24 м), рвы перед ними имели до 8 м глубины. На валах были установлены деревянные стены из плотно приставленных друг к другу бревенчатых срубов, заполненных утрамбованной землей, камнями, глиной. Такие стены отличались большой прочностью. Рязанская крепость неоднократно достраивалась. В насыпи вала, по археологическим данным, имелось пять прослоек плотной земли, которыми отмечены пять строительных периодов. 16 декабря 1237 г. монголо-татарские полчища достигли город Рязань и острогом оградил⁷. Началась осада столицы Рязанского княжества. Войска семи ханов, потомков Чингиса, сошлись под ее стенами. Никогда еще не видела Рязанская земля такого великого множества чужих всадников, многотысячных табунов степных коней, стольких осадных орудий на бревенчатых полозьях. Отряды монголо-татарских лучников, прикрываясь обшитыми бычьей кожей щитами, подбирались под самые стены и поражали защитников города длинными стрелами. Непрерывно действовали камнеметные машины. Тяжелые камни крушили ворота и стены города. Тысячи монголо-татарских вонзов остервенело лезли вверх по штурмовым лестницам и падали, пораженные камнями и стрелами. Их сменяли новые толпы. Монгольские военачальники применили тактику, не раз испытанную при осадах китайских и среднеазиатских городов, — штурмовали город непрерывно, днем и ночью, чтобы измотать осажденных перед решительным приступом. Пять дней рязанцы отбивали врага, неся тяжелые потери.

На шестой день начался решительный штурм. Батый двинул под стены Рязани все свои силы. Монголо-татары бросились на город с горящими щитами, с топорами, со штурмовыми лестницами и таранами. Уцелевшие защитники Рязани отчаянно отбивались, но натиск свежих войск Батыя сдержать не смогли. Монголо-татары ворвались в город, окутанный дымом пожаров. 21 декабря 1237 г. Рязань пала. Князь Юрий погиб от руки монголо-татар; «смертную чашу» приняли и другие рязанцы. Город враги «пожгли весь»⁸. Археологические раскопки Старой Рязани свидетельствуют

⁴ Автор «Повести о разорении Рязани Батыем» допустил некоторые фактические неточности. Например, князь Давид Муромский и Всеволод Пронский умерли еще до описываемых событий, а Юрий Ингоревич был убит после взятия монголо-татарами Рязани.

⁵ «Пороки» — метательные и стенобитные орудия

⁶ «Воинские повести Древней Руси». М.-Л. 1949, стр. 9—13, 15.

⁷ ПСРЛ. Т. 1, стб. 515.

⁸ Там же, стб. 460—515; т. II. М. 1962, стб. 778.

о страшном разорении города. Почти всю территорию рязанского городища покрывал слой пепла. Под обломками сгоревших построек были погребены многочисленные трупы защитников Рязани. В восточной части города археологи обнаружили кладбище жертв монголо-татарского погрома. Многие костяки носили следы насильственной смерти: черепа пробиты стрелами, на костях видны следы от ударов саблями, в позвоночнике одного из скелетов застряла ромбовидная татарская стрела⁹. В различных местах города были найдены клады, спрятанные жителями перед лицом грозившей опасности. Один из таких кладов — серебряные украшения — был обнаружен в глинобитной печи.

Десять дней простояли монголо-татары на разоренной Рязанской земле: грабили город и окрестные села, делили между собой добычу. 1 января 1238 г. они двинулись по льду Оки на север, к Коломне, оставив позади себя развалины. Казалось, что на месте Рязанского княжества не осталось ничего живого. Но это было не так: с тыла на завоевателей неожиданно напало русское войско. Это пришел на помощь землякам богатырь Евпатий Коловрат, находившийся во время осады Рязани в Чернигове. Вот что рассказывает о подвиге Евпатия и его удальцов «Повесть о разорении Рязани Батыем»: «В то же время некто из вельмож русских, именем Евпатий Коловрат, был в Чернигове с князем Ингорем Ингоревичем, и услышал приход на Русскую землю зловольного царя Батыя, пошел из Чернигова с малой дружиной, и гнал быстро, и приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшей, города разорены, церкви и дома сожжены, а люди побиты, а иные сожжены, а иные в воде потоплены. Евпатий же, видя это, распалился сердцем: был он очень храбр. И собрал немного воинов, всего 1700 человек, которые уцелели вне города. И погнался за безбожным царем Батыем, чтобы отомстить за кровь христианскую. И догнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы на Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались полки татарские. Татары же стали как пьяные или безумные. Воины Евпатия били их так нещадно, что и мечи их пригупились, и взяв татарские мечи, секли их, татарские полки проезжая. Татары же думали, что мертвые восстали, и сам Батый боялся. И едва поймали от полка Евпатиева пять человек воинов, изнемогших от великих ран. И привели их к Батыю. Он же спросил их: «Какой вы веры и какой земли, что мне зло творите?» Они ответили: «Веры христианской, а воины мы великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а полка Евпатия Коловрата. Посланы мы тебя, царя сильного, почтить и честно проводить». Царь же удивился ответу их и мудрости. И послал на Евпатия шурина своего Хозтовруда, и с ним многие полки татарские. Хозтовруд похвалился царю Батыю Евпатия Коловрата руками живого взять и к нему привести. И сошлись полки. Евпатий наехал на Хозтовруда-богатыря и рассек его мечем надвое до седла, и начал сечь силу татарскую, и многих богатырей и татар побил, одних надвое рассекая, а иных до седла. И известил Батыя, он же, слышав сие, горевал о шурине своем, и повелел навести на Евпатия множество пороков, и начали пороки бить по нему, и едва сумели убить так крепкорукую и дерзкого сердцем и львоворостного Евпатия. И принесли его мертвого к царю Батыю. Батый же, увидев его, удивился с князьями своими храбрости его и мужеству. И повелел тело его отдать оставшейся дружине его, которая в том бою была пленена. И повелел их отпустить и ничем не вредить.» А князья татарские сказали Батыю: «Мы со многими царями во многих землях, на многих бранях бывали, а таких удальцов и резцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Сии люди крылаты и не имеют смерти, так крепко и мужественно бьются, один с тысячей, а два с тьмою. Ни один из них не может уйти живым с поля боя». А сам Батый говорил: «О, Евпатий Коловрат! Многих сильных богатырей моей орды побил ты, и многие полки пали. Если бы у меня такой служил — держал бы я его против сердца своего!»¹⁰ Образ богатыря Евпатия как бы олицетворяет собой весь русский народ, в годину страшного бедствия мужественно и стойко борющийся за родину и не склонивший головы перед иноземными ханами. Евпатий Коловрат погиб, но тысячи других народных героев были готовы грудью встретить полчища Батыя.

Когда монголо-татары подошли к границам Владимирского княжества, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, не откликнувшийся на призыв рязанских князей совместно выступить против Батыя, сам оказался перед лицом грозной опасности. Думается, что нельзя объяснить отказ великого князя помочь Рязани только его желанием «биться особю». Быстрое продвижение монголо-татарских полчищ оказалось для него отчасти неожиданностью, и времени для подготовки войска в помощь Рязани оставалось мало. Определенную роль сыграла, видимо, и вероломная политика монголо-татарских ханов: Батый накануне вторжения в Рязанское княжество направил во Владимир посольство с предложением «мира». Безусловно, сказалась и давняя вражда между владимирскими и рязанскими князьями. Однако Юрий Всеволодович, не доверяя хану, постарался использовать переговоры для отсрочки нападения на свое княжество, что было крайне необходимо для сбора войска. Получив первые известия о вторжении монголо-татар, Владимирское княжество стало собирать силы для отпора, и мужественное сопротивление рязанцев помогло выиграть время для

⁹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М. 1955, стр. 29.

¹⁰ «Воинские повести Древней Руси», стр. 14, 26—28.

сосредоточения ратей на рубежах Владимирской земли. К моменту появления монголо-татарского войска Юрий Всеволодович сумел сосредоточить на возможном пути продвижения завоевателей довольно сильные отряды.

Местом сбора русских полков стал город Коломна. Это место было выбрано не случайно. Прямое пути от Рязани к Владимиру не было. Глухие, почти безлюдные леса к северу от Оки, по обе стороны реки Пры, являлись непреодолимой преградой для больших масс вражеской конницы, двигавшейся с обозами и тяжелыми осадными орудиями. Единственно удобный зимний путь к столице Владимирского княжества лежал по льду Москвы-реки и дальше по реке Клязьме. Этот путь записала Коломна, расположенная на пересечении Оки и Москвы-реки. В XIII в. город представлял собой довольно сильную крепость. В случае неудачного исхода сражения «в поле» можно было отсидеться за его крепкими стенами. Видимо, и это принималось в расчет при выборе Коломны местом сбора великокняжеского войска. Военные силы, вставшие под Коломной в январе 1238 г., были весьма значительными: Юрий Всеволодович прислал сюда все, что успел собрать. Пришли владимирские полки во главе со старшим сыном великого князя Всеволодом Юрьевичем. К городу стянулись остатки рязанских дружин, отряды из Пронска, Москвы и других городов Руси. Некоторые летописцы сообщали, что в Коломну прибыли даже «новгородцы»¹¹. По сути дела, это была объединенная рать значительной части Северо-Восточной Руси.

Русское войско расположилось лагерем под Коломной, за «надолбами». Впереди стоял сторожевой отряд воеводы Еремея Глебовича. Недолгим было ожидание: конница Батгя, быстро преодолев расстояние от Рязани, обрушилась на русский стан. Под Коломну пришли те же орды монгольских ханов, которые осаждали Рязань. Сражение было упорным. Русские полки «бились крепко, и была сеча великая». Одному из «чингисидов», хану Кулькану, по сообщению Рашид-ад-Дина, «была нанесена рана, и он умер»¹². При монгольских обычаях ведения боя, когда даже сотни и тысячки руководили войсками, находясь позади боевых линий, гибель высокородного хана стала возможной только в большом сражении, сопровождавшемся нарушением монгольского строя и глубокими прорывами в расположение войск противника (Кулькан был единственным монгольским ханом, погибшим во время монголо-татарского нашествия на Восточную и Центральную Европу.) Однако в конечном счете бой закончился поражением русского войска. Монголо-татары, воспользовавшись численным превосходством, окружили русские полки и погнали их к «надолбам». В сече погиб воевода Еремей Глебович. Князь Всеволод Юрьевич «с малой дружиной» сумел пробиться через кольцо врагов и лесными тропами бежал во Владимир¹³. Попытка сдержать монголо-татарских завоевателей на границах Владимирского княжества оказалась безуспешной. Путь в глубь Северо-Восточной Руси был открыт.

По льду Москвы-реки монголо-татарское войско двинулось на север, к Москве. В то время это был небольшой городок, обнесенный деревянными стенами. Его обороняли с небольшим войском сын великого князя Владимир Юрьевич и воевода Нянка. Несмотря на явное неравенство сил, москвичи оказали сопротивление врагу. Монголо-татары захватили Москву штурмом, «воеводу Филиппа Нянка убили, а князя Владимира взяли руками, а людей избили от старца до младенца, а город и церкви предали огню, и монастыри все и села пожгли»¹⁴. Затем завоеватели направились к Владимиру, столице Северо-Восточной Руси. Видимо, они прошли по льду Москвы-реки до водораздела между этой рекой и Клязьмой, а преодолев его, держали путь по льду Клязьмы на восток. Движение по льду рек было характерной особенностью этого зимнего похода хана Батгя.

6. Месяц февраль

Продвижение монголо-татарского войска от Рязани до Владимира (расстояние между ними равно примерно 300 км) продолжалось больше месяца. Главные силы Батгя, с обозами и осадными машинами, проходили в день немногим больше 10 километров. Такое сравнительно медленное продвижение завоевателей нельзя объяснить только трудностями зимнего похода: монголо-татарам приходилось брать штурмом каждый город и обороняться от внезапных нападений из засад. Героическое сопротивление русских людей — вот что задерживало наступление завоевателей.

4 февраля 1238 г. монголо-татары подошли к Владимиру. Этот город, окруженный высокими деревянными стенами и укрепленный мощными надвратными каменными башнями, был сильной крепостью. С трех сторон его прикрывали реки: с юга — Клязьма, с севера и востока — Лыбедь, с обрывистыми берегами и оврагами. Чтобы прорваться к центру города, противнику нужно было преодолеть три оборонительные линии: валы и стены «Нового города», затем «Среднего», или «Мономахова города», и, наконец, каменные стены владимирского кремля — «детинца», сложенного из монументальных туфовых плит. Укрепления «детинца» дополнялись каменной надвратной башней с церковью Иоакима и Анны. Самое мощное оборонительное сооружение сто-

¹¹ ПСРЛ. Т. I, стб. 515.

¹² Тизенгаузен, II, стр. 36.

¹³ ПСРЛ. Т. I, стб. 460, 515—516; т. II, стб. 779.

¹⁴ ПСРЛ. Т. I, стб. 460—461.

лицы — «Золотые ворота», перед которыми были бессильны осадные орудия того времени, высились над западной стеной Владимира, где перед городом расстиралось ровное поле и не было естественных препятствий. Оборонительные линии Владимира дополняли многочисленные каменные церкви и монастыри: Успенский и Рождественский монастыри, Успенский и Дмитриевский соборы, Спасская, Георгиевская и Воздвиженская-на-Торгу церкви. Да, сильны были укрепления столицы Северо-Восточной Руси, но войска, чтобы оборонять его многочисленные башни и стены, уже не имелось.

Князь Всеволод Юрьевич, прибежавший сюда «с малой дружиной», принес известие о поражении великокняжеского войска под Коломной и о гибели многих воинов. Новые дружины еще не собрались, а ожидать их прибытия в столицу не было времени: монголо-татары приближались. На княжеском совете мнения разделились. Показательно, что здесь не было и речи о том, чтобы великий князь остался в городе и возглавил оборону. Войска в столице было мало, и воеводы считали, что Юрий Всеволодович должен прежде всего позаботиться о сборе ратных сил; оставшись в осажденном Владимире, великий князь не смог бы это сделать. Поэтому «многие разумные советовали княгиню и все имение и утвари церковные вывезти в лесные места, а в городе оставить только военных для обороны». Другие возражали, что в этом случае защитники «оборонять город прилежно не будут», и предлагали «оставить в городе с княгиней и молодыми князьями войска довольно, а князю со всеми полками, собравшись, стать недалеко от города в крепком месте, дабы татары, ведая войскою вблизи, не смели города добывать»¹⁵. Великий князь избрал третий путь: он «уехал на Волгу с племянниками своими с Васильком и с Всеволодом и с Владимиром, и стал на реке Сити станом, ожидая к себе братьев своих Ярослав и Святослава с полками, и начал князь Юрий полки собирать против татар»¹⁶. Видимо, этот шаг следует признать правильным, если учитывать общие цели войны с монголо-татарами. Главным было сохранить войско, способное нанести ответный удар завоевателям. Но город Владимир мог надеяться лишь на собственные силы: никакой помощи горожане ни от кого не получили. После отъезда великого князя оборона города была возложена на его сыновей Всеволода и Мстислава; при них остался опытный воевода Петр Ослядакович, который, должно быть, и руководил защитой столицы. Вся тяжесть борьбы против сильного и опытного в осаде городов врага легла на посадское население и крестьян, собиравшихся из окрестных сел и деревень под защиту городских стен.

Монголо-татарское войско приблизилось к Владимиру с запада, где не было естественных прикрытий. Боя на подступах к городу не произошло: перевес вражеских сил был слишком очевиден, и опытный воевода Петр Ослядакович удержал своих удалыков за городскими стенами. Небольшой отряд монгольской конницы подскочил к «Золотым воротам». Монголы кричали владимирцам, стоявшим на стенах и башнях: «Где князья Рязанские, ваш град и князь ваш великий Юрий? Не рукой ли нашей взят и смерти предан?» На предложение сдаться владимирцы ответили градом стрел с городских стен. Встретив отпор, полки Батые разбили лагерь на поле перед «Золотыми воротами». Осада столицы Владимирского княжества началась. Пока главные силы монголо-татар готовились к штурму, подтаскивая к стенам металлические орудия и тараны, другой их отряд по льду Клязьмы и Нерли двинулся к древнему городу Суздалью. Здесь монголо-татары не встретили сильного сопротивления. Войска в городе было немного, а морозы сделали бесполезными ограждавшие суздальскую крепость водные преграды — реку Каменку и глубокий ров, заполняемый летом водой. Завоеватели беспрепятственно подошли к стенам города. Суздаль был взят с ходу. Уже через день отряд завоевателей вернулся к Владимиру.

6 февраля монголо-татарское войско стало готовиться к приступу. «В субботу мясопустную начали татары пороки ставить от утра и до вечера, а на ночь огородили тыном около всего города Владимира». Выйти из города никто не мог. В тот же день начался обстрел из тяжелых метательных машин. Многопудовые камни разрушали стены и башни Владимира. Через городские стены полетели горшки с горячими веществами, вызывая многочисленные пожары. Особенно пострадал «Новый город», на который обрушился главный удар врага. Для устрашения защитников монголо-татары проводили под стенами тысячи пленных, нещадно избивая их плетьюми. Но владимирцы держались, отбивая приступы врага. В ночь на воскресенье в самый решительный момент, в канун общего штурма, князья и бояре фактически устранились от руководства обороной: с благословения владимирского епископа Митрофана они постриглись в монахи и ждали «ангельской смерти» вместо того, чтобы с мечами в руках биться на стенах.

Рано утром 7 февраля начался общий штурм Владимира. И снова главный удар монголо-татары наносили со стороны «Нового города», где стены не были прикрыты естественными рубежами. Каменная твердыня «Золотых ворот» по-прежнему оставалась неприступной для врагов, но стены не выдержали обстрела. Рухнула деревянная стена южнее «Золотых ворот», против церкви Спаса. Почти одновременно были пробиты стены еще в нескольких местах: у «Ирининых ворот», у «Медяных ворот», у

¹⁵ В. Н. Татищев. История Российская. Т. 3. М.-Л. 1964, стр. 471.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I, стб. 517.

«Волжских ворот». Бесчисленные толпы монголо-татар, размахивая саблями, с криком бросились к проломам. Вязанками хвороста, бревнами и досками они быстро завалили рвы перед проломами. Поджечь эти завалы защитники города не смогли, так как дерево предусмотрительно было облито водой.

По завалам («приметам») враги преодолели ров и ворвались через разрушенные стены в «Новый город». Монголо-татары наступали с разных сторон: с запада — от «Золотых ворот», с севера — от реки Лыбеди, с юга — от Клязьмы. Бои разгорелись на улицах. Вылали подожженные противником дома. Отрезанные стеной огня, погибали защитники «Нового города». Только немногие сумели бежать к стенам «Среднего», или «Мономахова города». К середине дня «Новый город» пал. Преследуя его защитников, монголо-татарские полчища ворвались и в «Средний город». По-видимому, большого боя на внутренних валах не было: большинство владимирцев погибло, защищая «Новый город». С ходу были прорваны монголо-татарами и каменные стены владимирского «детинца», последнего оплота защитников столицы. Княжеская семья, множество бояр и народа укрылись в Успенском соборе. Окруженные со всех сторон врагами, они отказались сдать на милость победителей и погибли в огне монголо-татары подожгли собор. Гибель заперевшихся в нем людей — последний эпизод героической обороны¹⁷.

Упорное сопротивление Владимира нанесло завоевателям большой урон. О кровопролитной и продолжительной борьбе на стенах и улицах этого города стало известно далеко за пределами Руси. Рашид-ад-Дин подчеркивает, что защитники Владимира «ожесточенно сражались»¹⁸. После взятия столицы Северо-Восточной Руси Батый разделил свое войско на несколько частей, чтобы пройти по всем речным и торговым путям, ограбить и разрушить города, которые были центрами сопротивления и опорой русской ратной силы. Страна, лишенная войска и крепостей, по мнению Батыя, должна стать беззащитной и сдать на милость победителей.

Кроме того, на севере, в заволжских лесах, продолжал собирать войско великий князь Юрий Всеволодович, что не могло не беспокоить Батыя. Предпринимая февральские походы, хан хотел отрезать воинский стан на Сити от северо-западных и западных земель Руси (откуда могло подойти подкрепление), а затем окружить и уничтожить последнее великокняжеское войско. Отряды Батыя двинулись от Владимира в трех направлениях: на север — к Ростову и далее к великокняжескому лагерю на реке Сить (приток Мологи); на восток — к Волге, где жадные взоры завоевателей привлекали богатые торговые города; на северо-запад — к Твери и Торжку.

Самое многочисленное войско монголо-татар пошло на север: разгром великокняжеских сил Батый считал главной задачей. Захватив по пути Ростов, не оказавший, видимо, вооруженного сопротивления, монгольская рать, возглавляемая Бурундаем, направилась к Угличу, через который лежала кратчайшая дорога к военному лагерю великого князя на Сити. Другой монгольский отряд от Ростова прошел к Ярославлю и Костроме, отрезав великокняжескому войску пути отхода к Волге. Под ударом оказались волжские города. Никаких подробностей разгрома монголо-татарами Ярославля, Костромы и других волжских городов летописцы не сообщали. Однако археологические раскопки показали, что Ярославль был сильно разрушен и долго не мог оправиться: слои послемонгольского времени очень бедны находками. Отражением монголо-татарского погрома является местное историческое сказание о битве с завоевателями на «Туговой горе», в которой погибли все защитники Ярославля.

Монголо-татарское войско, двигавшееся от Владимира на восток, к Средней Волге, прошло по льду Клязьмы до Стародуба. Здесь завоевателям не удалось захватить ценной добычи: князь Иван Стародубский заблаговременно отправил за Волгу, в леса, свою семью и все имущество. Можно предположить, что примеру князя последовали и другие жители города. От Стародуба монголо-татары напрямик, через леса, вышли к Городцу, стоявшему на левом берегу Волги. Отсюда они двинулись вверх по реке, где, по словам летописца, «все города попленили». Отдельные отряды монгольской конницы заходили далеко на север и северо-восток, появлялись у Галича-Мерьского и даже у Вологды¹⁹. На пути третьего монголо-татарского войска, двигавшегося на северо-запад, стоял Переяславль-Залесский, сильная крепость, расположенная на кратчайшей водной дороге из бассейна Клязьмы к Новгороду Великому. Оборонительные валы Переяславля достигали высоты 10—16 м и по своей величине уступали только укреплениям стольного Владимира. Деревянные двойные стены с 12 башнями высились на валах. С севера Переяславль-Залесский прикрывала река Трубезь, а с других сторон глубокий ров, заполненный водой. Преодолеть эти укрепления было нелегко, и переяславцы пять дней отбивали приступы татаро-монголов. Только после того, как город был подожжен с разных концов и огонь сделал невозможной дальнейшую оборону, завоеватели ворвались в Переяславль. Защитники города погибли, лишь огромное пожарище осталось на месте этой крепости. Затем отряды завоевателей пошли на север по льду Плещеева озера, чтобы перерезать Волжский путь. Где-то в районе г. Кснятина, тоже разоренного во время «Батыева погрома», монголо-татары вышли на Волгу и двинулись вверх по ней, к Твери. Дру-

¹⁷ ПСРЛ. Т. I, стб. 461—464, 516—518; т. II, стб. 779—780.

¹⁸ Тизенгаузен, II, стр. 36.

¹⁹ ПСРЛ. Т. I, стб. 464, 518.

гие отряды повернули к Юрьеву и «города многие пополнили: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь». В результате февральских походов 1238 г. монголо-татарам были разрушены русские города на огромной территории — от Средней Волги до Твери. «И не было места, ни волости, ни сел таких редко, где бы не воевали на Суздальской земле, и взяли городов 14, кроме сел и погостов, в один месяц февраль», — отметил летописец. Вот эти «четырнадцать градов», разгромленных там завоевателями: Ростов, Ярославль, Городец, Галич-Мерский, Переяславль-Залесский, Торжок, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский, Тверь, Кострома, Углич, Кашин, Кснятин. К началу марта монголо-татары широким фронтом вышли к Верхней Волге. Великий князь Юрий Всеволодович, собиравший полки в стане на Сити, оказался в непосредственной близости от монголо-татарских авангардов. На него уже шло от Углича большое войско полководца Бурундая.

7. Облава

Берега Сити не случайно были выбраны Юрием Всеволодовичем как место для военного лагеря. Дремучие леса прикрывали лагерь от наступления монголо-татарской конницы, которой в зимнее время было трудно двигаться по лесным дорогам. Великий князь надеялся отсидеться здесь, пока к нему на помощь не придут войска из других городов и княжеств, не разгромленных монголо-татарскими завоевателями. Подкрепления ожидалось в первую очередь из многолюдного Новгорода. Тула от Сити вела сухопутная дорога, прикрытая лесами от монгольских авангардов. Кроме того, по льду Мологи проходили проторенные санные пути: с юга — от Волги, с севера — от Белоозера. Эти пути были важны в военном отношении, так как по ним могло прибыть подкрепление из богатых приволжских и северных городов, а в случае необходимости они служили бы для отступления в труднодоступные северные области Руси.

Великий князь разослал гонцов по соседним городам и землям, но князья не торопились на помощь своему «брату старейшему», которого сами признали «в отца место». К тому же дружины отдельных городов и княжеств, вынужденные из-за быстрого продвижения монголо-татарских ратей пробираться к великокняжескому стану окольными путями через леса, не успели к началу битвы. Так случилось, например, с дружиной стародубского князя. Сильные новгородские полки вообще не пришли к Сити. «И ждал Юрий Всеволодович брата своего Ярослава, и не было его», — печально замечал летописец. Правда, на Сити прибыла дружина юрьевского князя Святослава Всеволодовича. Однако большого войска собрать не удалось. Конница Бурундая подошла к великокняжескому лагерю в начале марта 1238 года. Чтобы предупредить неожиданное нападение, навстречу монголо-татарам был послан с трехтысячным сторожевым отрядом воевода Дорож (Дорофей Федорович). Во главе же всего войска стоял старый, опытный владимирский воевода Жирослав Михайлович, который начал спешно готовить полки к бою. Но сторожевая служба в войске на Сити была организована плохо, и она своевременно не известила о приближении монголо-татар. Отряд Дорожа встретил их уже в непосредственной близости от лагеря и был разбит. Сам воевода прискакал к великому князю с тревожным известием: монгольская конница окружала русский стан²⁰. Последствия неожиданного нападения оказались особенно тяжелыми еще и потому, что на Сити, где не было крупных населенных пунктов, войска пришлось разместить по отдельным деревням, и чтобы собрать их для боя, требовалось много времени. А времени-то как раз было в обрез. Как только, по словам летописца, «начал князь полки ставить около себя, и внезапно татары приспели, князь же не успел ничего». Хотя полки и не смогли принять боевой порядок, они мужественно встретили натиск Бурундая. 4 марта началась «сеча злая», в которой пали многие русские ратники. Но немало polegло и монголо-татар, прежде чем великокняжеские полки, задавленные вражеской конной массой, стали отступать. Монгольская конница преследовала их до устья Сити. В битве погиб и великий князь Юрий Всеволодович. Несмотря на поражение русского войска, сражение на Сити занимает важное место в героической борьбе Руси с чужеземными захватчиками. Монголо-татары понесли значительный урон. Батюгу пришлось к тому же выделить большие силы для разгрома великокняжеского стана. В результате войско завоевателей, двигавшееся на северо-запад, к Твери и Торжку, было ослаблено. Может быть, именно битва на Сити явилась причиной того, что отряды Батюга, осаждавшие Торжок, надолго задержались у стен этого города. В итоге время для наступления на Северо-Западную Русь было упущено.

Древний город Торжок, крепость на южных рубежах Новгородской земли, запирающий кратчайший путь из «Низовской земли» (так называли новгородцы Владимиро-Суздальскую Русь) к «Господину Великому Новгороду» по реке Тверце. Выдержавший за свою историю множество осад и штурмов, Торжок имел сильные укрепления. Высота земляного вала, окружавшего город, достигала 13 метров. С трех сторон крепость прикрывала река Тверца, а с четвертой — глубокий ров, превращавший город в настоящий остров. Правда, в зимнее время это важное преимущество утрачивалось. Но все-таки Торжок был серьезным препятствием для завоевателей. Под его стенами рехалась судьба Новгорода. Приближалась весна, оттепели и распутица должны

²⁰ Там же, стб. 519.

были вскоре надежно преградить монголо-татарам дорогу на север. И как ни торопился Батый с походом на Новгород, а под Торжком ему пришлось основательно задержаться. Монголо-татарские рати «обступили Торжок» 22 февраля 1238 года. Сюда сошлись отряды Батыя, громившие до этого Переяславль-Залесский, Княгинин, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский, Гверь. Однако взять с ходу этот сравнительно небольшой городок им не удалось. Защитники Торжка отбили первые приступы монголо-татар. Вся тяжесть борьбы легла на плечи городского посадского населения: в городе не оказалось тогда ни князя, ни княжеской дружины. Летописи сохранили до наших дней имена горожан, руководивших героической обороной Торжка: Иванко, «посадник Новоторжский», Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич. Все они погибли в неравной борьбе. Встретив отпор, Батый вынужден был перейти к планомерной осаде. Монголо-татары «отынили тыном» весь город, подвезли метательные машины. К Торжку спешно стягивались другие отряды завоевателей, грабившие села и деревни по Верхней Волге. Две недели отбивался Торжок. Две недели, сменяя друг друга, подступали к его деревянным стенам толпы врагов, и «били пороки две недели». Жители Торжка упорно оборонялись. Пробираясь через плотное кольцо осадивших город врагов, спешили гонцы с просьбой о помощи в Новгород, где имелось многочисленное войско, уже успевшее подготовиться к войне. Однако новгородские бояре предпочитали отсиживаться за лесными чащобами, надеясь на близкую распутицу. Героические защитники Торжка были предостережены самим себе. После двухнедельной борьбы «изнемогли люди в граде». Некому было защищать стены, пробить «пороками». 5 марта враг ворвался в город. Страшной была месть завоевателей: они не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков и «иссекли всех»²¹. Немногие оставшиеся в живых защитники Торжка пробивались на север, по направлению к Новгороду. А за ними, заканчивает летописец описание осады и штурма Торжка, «гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнача-креста, и все секли людей, как траву, и только не дошли 100 верст до Новгорода»²². Это был крайний рубеж продвижения завоевателей на север. От «Игнача-креста» монголо-татарский отряд повернул обратно. Это вполне объяснимо: сравнительно небольшому монгольскому конному войску, выделенному Батыем для преследования, было явно не под силу штурмовать многолюдный и хорошо укрепленный Новгород. Эту задачу могли выполнить только объединенные силы завоевателей, а поблизости от новгородских рубежей их тогда не имелось. Приближалась к тому же весна с оттепелями и распутицей. И от похода на Новгород Батыю пришлось отказаться.

Вскоре после битвы на Сити монголо-татарские ханы и полководцы собрались на военный совет. Предстояло решить вопрос: куда дальше идти их войску? Новгород, надежно прикрытый лесами и болотами, весной непроходимыми, был пока недоступен. Другие северные города, немногочисленные и расположенные вдали от удобных дорог, не сулили богатой добычи. Монголо-татарское войско устало. Оно ослабло в непрерывных битвах, осадах и стычках. Военный совет принял решение об отступлении на юг. Однако, уходя в степи, завоеватели еще раз подвергли страшному опустошению страну, сопротивление которой было ослаблено разгромом укрепленных городов и гибелью войска. Монголо-татары решили «идти туменами облавой, и всякий город, крепость и область, которые встретятся на пути, брать и разорять»²³. В конце марта или в начале апреля 1238 г. монголо-татарская облава двинулась от Волги на юг. Если в феврале завоеватели прошли по Северо-Восточной Руси несколькими большими отрядами по речным и торговым путям, разрушая города, то теперь они двинулись широким фронтом мелких отрядов. Основной удар был направлен в этот раз на сельские местности, на беззащитные села и деревни. Из края в край, от Костромы до Торжка, поднялось дымное зарево, медленно продвигаясь на юг за монголо-татарской облавой. Следом за вражеским войском под конвоем конных воинов шли тысячи толпы пленных, тянулись бесконечные обозы с награбленным добром. Позади завоевателей оставалась залитая кровью и окутанная дымом пожаров пустыня. Такого страшного погрома еще не знала Русская земля!

При отступлении в степи завоеватели опустошили огромную территорию. Восточный край облавы проходил от Средней Волги вдоль Клязьмы и Средней Оки, западный — от Торжка к Десне. Отряды монголо-татар появились даже в окрестностях Смоленска. Но здесь их постигла неудача. Началась оттепель. Болота вокруг города подталяли, хрупкий весенний лед ломался под копытами коней, а единственно возможный путь преградило смоленское войско. После жестокой битвы на подступах к городу завоевателям пришлось отступить и повернуть от Смоленска на юго-восток, к Десне²⁴. Археологические материалы свидетельствуют, что и в районе Верхней Десны монголо-татарские полчища громили русские города. Так, во Вщиже, одном из удельных городов на Десне, был обнаружен мощный слой пепла, оставшегося после большого пожара в 30-х годах XIII столетия²⁵.

²¹ Там же, стб. 521—522.

²² ПСРЛ. Т. XV, стб. 371.

²³ Тизенгаузен, II, стр. 37.

²⁴ См. «Материалы по изучению Смоленской области». Т. I. Смоленск. 1952, стр. 137.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Удельный город Вщиж. «По следам древних культур. Древняя Русь». М. 1953, стр. 104, 115.

С Верхней Десны монголо-татарские завоеватели повернули на восток, к Козельску. Сюда же шли их отряды и из других мест. Видимо, Козельск был конечным пунктом облавы, где собирались рати Батюя перед отходом в степи. Козельск представлял тогда сравнительно небольшой городок, и завоеватели не рассчитывали встретить здесь сильное сопротивление. Но «крепкодушевные» козельцы «совет сотворили не славиться Батюю» и стали готовить город к обороне. Первые приступы монголо-татар были отбиты. Батый вынужден был перейти к осаде города, к которому со всех сторон стекались остальные монголо-татарские отряды. Когда, наконец, подоспели с Волги тумены ханов Кадана и Бури и под стены были подведены многочисленные каменнотетные машины, начался решительный штурм Козельска. Два дня продолжался обстрел города из метательных орудий. На третий день пополудни были пробиты деревянные стены. Толпы врагов устремились к проломам. На развалинах стен в тесноте проломов козельцы встретили врага с ножами в руках. Монголам не удалось войти в город: козельцы выстояли, и, более того, сделав вылазку, они ворвались в монголо-татарский лагерь, захватив часть осадных орудий и изрезав ремни на «пороках». Множество татар было перебито. Но силы были слишком неравными. После того, как улеглась паника, свежие татарские «тысячи» со всех сторон обрушились на козельцев. Когда враги снова подступили к городским стенам, защищать их было уже некому. Монголо-татары ворвались в город и устроили страшную резню. Все жители города были перебиты, погиб и козельский князь Василий. Летописец сообщал о его смерти следующее: «Иные говорят, что в крови утонул, потому что был млад».

Победа недешево досталась Батюю. Во время вылазки осажденных было убито 4 тыс. монголо-татарских воинов, в том числе «три сына гемников», которых после битвы «татары искали и не нашли во множестве трупов мертвых». Батый назвал Козельск «град злой»²⁶, столь поразило его мужественное сопротивление жителей этого города. Героическая оборона Козельска, продолжавшаяся, по словам летописца, «семь недель», приобрела широкую известность. О ней знал и Рашид-ад-Дин. Он писал: «Батый пришел к городу Козельску и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им. Потом пришли Кадан и Бури и взяли его в три дня»²⁷.

Нелегким оказался для Батюя зимний поход в Северо-Восточную Русь. А впереди были новые и новые бои. Народы Восточной Европы не склонили головы перед завоевателями. Не покорились и половцы, оттесненные за реку Дон. С юга на монгольские заставы нападали аланы и черкесы, отступавшие в предгорья Северного Кавказа и снова появлявшиеся в степях. Скапливались в волжских протоках вооруженные болгарские отряды, готовясь к восстанию. Еще грозили нерастратченной силой города на северной и западной окраинах Руси: Новгород, Полоцк, Смоленск. На юге, за рекой Днепром, собирала военные отряды и крепила городские стены Южная Русь. Высились на границах половецких степей твердыни Чернигова и Переяславля-Русского. Не отдых, а тяжелые битвы ожидали монголо-татарское войско в половецких степях.

18. Южная Русь в огне

К лету 1238 г. монголо-татары отошли в половецкие степи. Основные кочевья Батюя расположились между Северским Донцом и Доном. Вскоре после прихода сюда монголо-татарского войска в половецких степях начались военные действия. Многочисленная рать завоевателей направилась за Кубань, в землю черкесов. «В год Собаки, соответствующий 635 (1238 г.), осенью,— писал Рашид-ад-Дин,— Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимой убили государя тамошнего по имени Тукара». Почти одновременно началась война и с половцами. «Берке отправился в поход на кыпчаков (половцев),— сообщал Рашид-ад-Дин,— и взял Арджумака, Куранбаса и Канерина, военачальников Беркуга»²⁸. Огромная половецкая степь стала ареной битвы. Некогда богатая и многолюдная территория превратилась в пустыню. Плано Карпини, проезжавший несколько лет спустя через половецкие степи, видел многочисленные костяки погибших в боях людей. «В Комании (земле половцев),— писал он,— мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу». Другой путешественник XIII в., француз Рубрук, также не видел в опустошенной Половецкой земле ничего, «кроме огромного количества могил команд (половцев)»²⁹. Войны на Северном Кавказе и в половецких степях требовали от завоевателей, и без того ослабленных зимним походом на Северо-Восточную Русь, большого напряжения сил.

Для монголо-татарских походов 1239 г. были характерны стремительные удары по городам, стоявшим на краю половецкой степи, а преследовали они цель уничтожения пограничных крепостей, ограждавших юго-западные земли Руси. Весной мон-

²⁶ ПСРЛ. Т. I, стб. 522.

²⁷ Тизенгаузен, II, стр. 37.

²⁸ Там же.

²⁹ Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб. 1911, стр. 50, 82.

голо-татарское войско подступило к Переяславлю-Русскому, являвшемуся сильной крепостью на рубежах Киевской земли. Ни половцам, ни другим кочевникам ни разу не удавалось взять этот город. Высокие валы, крепкие стены, крутые берега рек Трубежа и Альты, с трех сторон окружавших Переяславль, делали его почти неприступным. Город подвергся штурму («взят копьем») и был страшно разорен; монголо-татарские орды «епископа убили и людей избили, а город пожгли огнем и, пленных много взяв, отошли»³⁰. Были сожжены и разорены и другие города и села Переяславского княжества. Разгром, учиненный монголо-татарскими завоевателями, был настолько тяжел, что даже спустя триста лет после монголо-татарского нашествия Переяславль представлял собой «град без людей». Переяславский каменный собор лежал в развалинах до середины XVII века. Уцелевшие переяславцы покинули свой город и переселились в черниговские земли.

Следующей жертвой монголо-татар стал Чернигов. Близость к степной границе и активное участие в междоусобных войнах создали Чернигов известность на Руси как городу, «богатому воинами», «славному мужеством горожан», «крепкому и многоялюдному». Монголо-татарская рать встретила здесь сильное сопротивление: укрепления Чернигова, защищаемые храбрым гарнизоном, преодолеть было нелегко. Три оборонительные линии преграждали дорогу захватчикам: на высоком берегу реки Десны стоял «детинец», прикрытый с востока речкой Стрижень. Вокруг «детинца» располагался «окольный град», или острог, укрепленный малым валом. И, наконец, третий вал опоясывал обширное «предгорье». Осенью монголо-татарское войско подступило к Чернигову «в силе великой» и окружило его со всех сторон. Под стенами города их встретил «со многими воинствами своими» князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила Черниговского. «Лютым был бой у Чернигова», — отметил летописец. Черниговцы обстреливали врагов из метательных орудий огромными камнями, которые были такими тяжелыми, что их едва могли «четыре человека сильные поднять». Но отогнать монголо-татар от города не удалось. После упорного боя «побежден был Мстислав, и множество войска его было убито». Началась осада, а затем штурм города. 18 октября «взяли татары Чернигов, и град пожгли, и людей избили, и монастыри пограбили»³¹. Археологическими раскопками на территории древнего Чернигова обнаружены следы большого пожара, остатки разрушенных и обгоревших жилищ, многочисленные клады, зарытые горожанами в минуты опасности. На многих улицах города после монголо-татарского погрома жизнь не возобновлялась в течение нескольких столетий. В домонгольских границах Чернигов восстановился только в XVIII веке!

Разгромив Чернигов, монголо-татарское войско повернуло на восток, к Глухову, и опустошило земли по рекам Десна и Сейм. К северу от Чернигова монголо-татарские отряды, по всей вероятности, не заходили. В городе Любече, расположенном в 50 км северо-западнее Чернигова, следов монголо-татарского погрома археологами не обнаружено. Зато многочисленные городки-крепости и села по Десне и Сейму были разрушены до основания (Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и другие). Южные и юго-восточные области Черниговского княжества также были опустошены. Зимой того же года многочисленное войско Гуюк-хана, Менгу-хана, Кадана и Бури двинулось в земли мордвы и на Муром. Мордовские племена, завоеванные монголо-татарами перед нашествием на Северо-Восточную Русь, в 1239 г. восстали. В ответ завоеватели огнем и мечом прошли по мордовским землям и сожгли города Муром и Гороховец. Должно быть, во время этого похода был разрушен Нижний Новгород. Обширная территория до Волги была опустошена³². Другой монголо-татарский отряд зимой снова напал на Рязанское княжество: «приходили татары в Рязань, попленили ее всю»³³.

Зимой 1239 г. монголо-татары предприняли поход в Крым, куда бежали разбитые в степях половцы. Никаких подробностей завоевания Крыма источники не сообщают. Известно только, что к концу года отряды завоевателей дошли до Сурожя, торгового города на Черноморском побережье. На полях древней книги одного из сурожских монастырей обнаружена запись, сделанная 26 декабря 1239 г.: «В тот же день пришли татары»³⁴. В результате походов 1239 г. монголо-татары вплотную подошли к главным центрам Южной Руси. В начале следующего года Киев впервые увидел под своими стенами войско монгольского хана Менгу. Неприятельская рать остановилась на другой стороне Днепра. Взглянув на город, украшенный многочисленными соборами и церквями, Менгу-хан «удивился красоте его и величине его, прислал послов своих к горожанам, хотя их прельстить, но не послушали его». Киевский князь Михаил перебил монгольских послов, а сам бежал в Венгрию, опасаясь мести монголо-татар³⁵. Менгу-хан не решился со своей ордой штурмовать хорошо укрепленный город и отступил. Весной того же года большое войско из туменов Гуюк-хана было направлено

³⁰ ПСРЛ. Т. I, стб. 469.

³¹ ПСРЛ. Т. II, стб. 782.

³² ПСРЛ. Т. I, стб. 470; т. XV, стб. 374.

³³ ПСРЛ. Т. X, СПб. 1885, стр. 115.

³⁴ ПСРЛ. Т. II, стб. 782.

³⁵ ПСРЛ. Т. X, стр. 115—116.

Батием на юг, к Дербенту. Осенью 1240 г. Батый двинул свои полчища на Южную Русь.

Монголо-татарское войско перешло на правый берег Днепра южнее Киева, за рекой Рось. «Царевичи Бату с братьями, Бури и Бучек направились походом в страну русских и черных шапок («черных клобуков»)»³⁶, — сообщал Рашид-ад-Дин. «Черные клобуки» прикрывали Киевскую землю с юга, со стороны степей. Об их укрепленные поселения не раз разбивались ранее волны половецких набегов. И на этот раз отряды «черных клобуков» и русские гарнизоны пограничных крепостей на Руси первыми встретили завоевателей. Безмолвные развалины поросских городов-крепостей, погребенные под слоем лепла, свидетельствуют о разгоревшихся здесь кровопролитных боях. Археологические раскопки на многочисленных городищах Руси дают возможность в какой-то степени воссоздать картину героической борьбы защитников Киевской земли с монголо-татарскими завоевателями, дополняя скупые свидетельства письменных источников. Близ устья Роси, на высокой Княжьей горе, стояла одна из крепостей поросской укреплённой линии. На месте городских улиц и под развалинами жилищ крепости обнаружены на небольшой глубине черепа и скелеты ее убитых защитников. Многочисленные находки оружия — красноречивое свидетельство осады городка: одних наконечников стрел археологами обнаружено около 200! Богатые клады, закопанные жителями при приближении врага, так и остались в земле. Видимо, их владельцы погibli, унеся в могилу свои секреты. Всего на Княжьей горе найдено более десяти кладов, причем лежали они на небольшой глубине (что говорит о поспешности захоронения). Многие вещи носили следы пожара. Один из кладов был обнаружен у основания столба сгоревшего жилища, среди черепков глиняного сосуда, другой — в глинябитной печи. Гибель крепости была настолько неожиданной и быстрой, что жители бросили в жилищах все свое имущество, начиная от лемехов плугов и утвари и кончая драгоценностями. Археологи точно установили время катастрофы, уничтожившей крепость на Княжьей горе: в слое пожарища найдена византийская монета XIII в. и вислая печать митрополита Кирилла Грека, который жил в Киевской земле незадолго до нашествия Батыя³⁷.

Многочисленные остатки оружия (наконечники копий и стрел, мечи, сабли), кости павших в битве воинов, обгоревшие деревянные укрепления обнаружены археологами и при раскопках другой пограничной крепости, стоявшей на горе Девиче. Показательно, что около половины найденных наконечников стрел были татарскими, ромбовидными, причем большая часть их возилась во внутреннюю стенку рва. Под развалинами сохранилось множество ценных вещей брошенных при поспешном бегстве: украшения из золота и серебра, ремесленные изделия из железа, бронзы и кости. Отряды «черных клобуков» и немногочисленные русские гарнизоны пограничных крепостей не сумели сдержать бешеный натиск завоевателей. Укреплённая линия на Руси была прорвана, и монголо-татары, уничтожая все на своем пути, двинулись по правому берегу Днепра к Киеву. В бассейнах рек Роси и Росавы были обнаружены остатки 23 домонгольских городищ и селищ; все они уничтожены во время монголо-татарского нашествия и более не восстанавливались³⁸. Один за другим гибли замки-крепости, прикрывавшие столицу: Витчева, Василев, Белгород. В ноябре 1240 г. передовые отряды Батыя подошли к стенам Киева.

Древняя столица Руси, расположенная на высоких холмах над Днепром, была хорошо укреплена. Мощный оборонительный пояс вокруг города создавался в течение нескольких столетий, достраивался и совершенствовался. С востока, юга и запада Киев прикрывали наружные валы «Ярослава города», достигавшие высоты 12 метров. Общая протяженность валов превышала 3,5 километра. По оценке советского ученого М. К. Каргера, «валы Ярослава города по своей мощи не имели равных в истории древнерусской фортификации»³⁹. Над валами высились деревянные стены, усиленные каменными надбратными башнями. Вторым укрепленным рубежом были валы и стены древнего «города Владимира». Наконец, внутри этого города возвышались укрепления вокруг «Ярослава двора», которые также могли служить прикрытием для оборонявшихся. Валами обороны были многочисленные каменные соборы и церкви, поднимавшиеся над улицами и перекрестками. Укрепления Киева не раз выдерживали приступы врагов. Киевляне готовились к обороне. Но, как и многие города Северо-Восточной Руси, Киев мог надеяться только на собственные силы. Несмотря на непосредственную опасность со стороны монголо-татарских полчищ, в Южной Руси незаметно было никаких попыток князей объединить силы для отпора врагу. Когда князь Михаил Всеволодович бежал «от татар в Угры» (Венгрию), а новый киевский князь Владимир Рюрикович неожиданно умер, освободившийся киевский «стол» поспешил захватить один из смоленских князей, Ростислав Мстиславович, который, однако, вскоре был из-

³⁶ Тизенгаузен, II, стр. 37; «черными клобуками» называют здесь кочевников, перешедших на службу к киевским князьям.

³⁷ Н. Беляшевский. Раскопки на Княжьей горе в 1891 году. «Киевская старина». Т. 36, 1892.

³⁸ В. И. Довженко. Городища и селища на Роси и Росаве. «Краткие сообщения» Института археологии АН УССР, № 5, 1955, стр. 52.

³⁹ М. К. Каргер. Древний Киев. М.-Л. 1953, стр. 261.

гнан из Киева более сильным соперником, Даниилом Романовичем Галицким. В городе был оставлен даниловский воевода — «тысяцкий Дмитр», который не имел достаточно войска. Вся тяжесть обороны города легла на плечи народных масс: ремесленников и торговых людей посада, крестьян окрестных сел.

«Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой,—свидетельствовал летописец об осаде Киева,—многим множеством силы своей, и окружил город, и обступила его сила татарская, и был город в обдержании великом. И был Батый у города, и отроки (воины) его обседали город, и ничего не было слышно от скрипения телег его, рева множества верблюдов его и ржания коней его, и была наполнена земля Русская ратными. Взяли же от них (в плен) татарина именем Товрул, и тот поведал о всей силе их (татар): «Се были братья его (Батия) сильные, воеводы Урдю и Байдар, Бирюю, Кадан, Бечак и Меньгу и Кююк, который возвратился, уедав смерть канову (великого хана), и был каном; не от роду же его (Батия), но были воеводы его первые: Себедия-богатырь и Бурундан-богатырь, который взял Болгарскую землю и Суздальскую, и иных без числа воевод... Поставил Батый пороки к городу возле ворот Лядских. Пороки, непрерывно бьющие день и ночь, выбили стены, и взошли горожане на остаток стены, и тут было копыя ломались и стрелы омрачили свет, и Дмитрий был ранен. Татары взошли на стены и сидели (там) тот день и ночь. Горожане же построили другой город около (церкви) Богородицы. Утром же пришли на них (татары) и была брань между ними великая...»⁴⁰. Сражение развернулось кровопролитное и упорное. В первый же день штурма монголо-татары захватили вал «Ярославова города», но были настолько ослаблены сопротивлением киевлян, что не сумели развить успех и ворваться в глубь города. Только на следующий день они продолжили наступление и проникли в Киев. Киевляне обороняли каждый дом, каждую улицу. Археологи за стеной «города Владимира» (в районе нынешней Б. Житомирской улицы) обнаружили в развалинах обгоревших жилищ лежавшие в беспорядке костяки погибших защитников города. Последним оплотом оборонявшихся стала каменная Десятинная церковь. За ее крепкими стенами собрались уцелевшие горожане. Из узких окошек во врагов летели стрелы. Монголо-татары подвезли к церкви свои «пороки». Под их ударами рухнули каменные стены, похоронив под развалинами последних героических защитников древнего города: Киев пал. Это произошло 6 декабря 1240 г., после девятидневной осады. Город был страшно опустошен, большинство построек погибло в огне. Почти все жители были перебиты. «Взяли Киев татары,—писал русский летописец,—и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты честные, и узорочье церковное, а людей от мала и до велика всех убили мечом»⁴¹. Киев надолго утратил значение крупного городского центра.

От разрушенного Киева монголо-татарские полчища, возглавляемые непосредственно Батыем, двинулись в направлении к Владимиру-Волынскому. Другие орды тем временем опустошали широкую полосу южнорусских земель: завоеватели применяли обычную для них тактику облавы. Монгольские ханы туменами «обходили все города Владимирские и завоевали крепости и области, которые были на пути»⁴². Маленькие городки по Среднему Тетереву, покинутые жителями и гарнизоны при приближении врага, без труда были взяты и разрушены. Например, один из тетеревских городков — Городск — вообще не переживал осады. Об этом свидетельствует отсутствие оружия и костяков убитых жителей, а также ограниченное количество кладов. Жители покинули городок при приближении врага, увезя с собой имущество⁴³. Должно быть, сдалось без боя большинство болоховских городков (Деревич, Губин, Кудин). Однако на укрепленных линиях по рекам Случь, Горынь и Верхний Тетерев монголо-татары снова встретили сильное сопротивление. Эти укрепленные линии состояли из городков-крепостей, хорошо приспособленных для обороны. К их числу относилось, например, известное «Райковецкое городище» (на Верхнем Тетереве), которое входило в систему укреплений Киевской земли. «Детинец» городища был обнесен мощным валом, основу которого составляли рубленные из толстых бревен дубовые клетки — «тарасы». Кроме того, имелась двойная линия глубоких рвов. По гребню вала тянулась деревянная стена с башнями. Это городище было разгромлено, жилища сожжены, население уничтожено. Под обугленными развалинами в беспорядке лежали трупы защитников городка и хозяйственный инвентарь. Сотни скелетов защитников городка и монголо-татарских воинов с оружием в руках найдены там, где их застала смерть в жестокой битве. Во рву лежали большие груды камней, а среди них — обломки жерновов. Происхождение этих каменных завалов не вызывает сомнений: камни были сброшены на головы врагов при штурме стен и ворот «детинца». У ворот завал достиг толщины одного метра. Под камнями лежали трупы монголо-татар, убитых во время приступа. Оборона городка отличалась большим упорством. Мужчины мужественно бились в единственных городских воротах. Здесь спустя семь столетий их останки и были найдены археологами. На стенах стояли женщины и рубили серпами врагов. Монголо-татары, ворвавшись за городскую стену, учинили страшную расправу.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II, стб. 784—785.

⁴¹ ПСРЛ. Т. I, стб. 470.

⁴² Тизенгаузен, II, стр. 37.

⁴³ Архив Института археологии АН УССР, д. 1955/11, стр. 1, 16 — отчет Р. И. Визьева о раскопках малого городища в г. Городске в 1955 году.

В домах и на улицах лежали трупы женщин и детей, изрубленных татарскими саблями⁴⁴.

Другим городом, вставшим на пути монголо-татарского нашествия, был Колодзяжин. Расположенный на крутом берегу Случи, он был хорошо укреплен. Батый «пришел к городу Колодзяжину, и поставил 12 пороков, и не мог разбить стены». Но то, что не смогли сделать осадные орудия, совершило вероломство. Завоеватели начали переговоры, обещая сохранить жизнь осажденным в случае добровольной сдачи. А когда те, «послушав злого совета», открыли ворота, монголо-татары ворвались в город и начали кровавую расправу. Обманутые горожане бились с насильниками на узких улицах, во дворах и жилищах. О разгоревшейся внутри города жестокой битве свидетельствуют обнаруженные археологическими раскопками в слое пожара человеческие костяки и оружие: наконечники стрел и копий, булавы, мечи. Само положение костяков говорило о гибели людей в бою. На многих черепках ясно видны следы ударов мечом или саблей. В позвоночнике одного из скелетов застрял железный наконечник татарской стрелы. Все жители Колодзяжина погибли. Некому было даже похоронить трупы павших защитников города. На месте некогда оживленного селения осталось только пожарище. Жизнь здесь больше не возобновлялась.

О разгроме двух других укрепленных городков в летописи сообщается кратко. Батый «пришел к Каменцу и Изяславлю, взял их». Однако города Кременец и Данилов выстояли: все приступы завоевателей были отбиты, и Батый, «видя град Кременец и Данилов, что невозможно взять ему, и отошел от них»⁴⁵. Но эта частичная неудача не могла, конечно, задержать завоевателей: они рвались к Владимиру-Волыньскому. Заложенный еще в конце X — начале XI столетия, Владимир-Волынский был богатым и сильно укрепленным городом с мощными стенами и башнями. Тем не менее монголо-татарам удалось взять его штурмом после короткой осады. «И не было во Владимире никого, кто бы остался жив», — печально отметил летописец. Археологические раскопки обнаружили места массовых казней горожан: близ древних владимирских церквей — Апостольщины, Михайловца, Плащины, Стара-Кафедры и других — в слое угля и пепла в беспорядке лежали человеческие скелеты с разрубленными костями, с черепами, пробитыми большими железными гвоздями. Страшному разгрому подверглись и другие города. Только сильно укрепленный Холм сумел отбить все штурмы завоевателей и уцелел.

Двигаясь главными силами в Владимир-Волынский, Батый выделил часть войска для опустошения Галицкой земли. Монголо-татарские отряды шли к Днестру и Пруту, к Галичу, к Бужску и Звенигороду-Львовскому. Везде, где они проходили, археологи обнаружили запустевшие города и села, погребенные под слоем пепла. Многие поселения, разрушенные во время нашествия Батыя, больше не восстанавливались. К сожалению, летописцы не сообщили никаких подробностей этого похода. Только об осаде монголо-татарами Звенигорода имеется интересное историческое предание, записанное со слов жителей Звенигорода-Львовского комплексной экспедицией Львовского исторического музея в 1954 году. Согласно этому преданию, Звенигород, окруженный со всех сторон непроходимыми болотами, осадило бесчисленное татарское войско. Первый удар, направленный на южные ворота города, был отбит. Защитники Звенигорода яростно оборонялись. В городе было достаточно воды, а из окрестных лесов звенигородцы получали помощь хлебом и людьми. Только предательство дало возможность врагу проникнуть ночью за городские стены. Весь день на улицах шел бой. К вечеру уцелевшие в сече горожане затворились в «детинце», а следующей ночью попытались прорваться через болота к покрытым лесами Плиховским высотам. Лишь немногим удалось уйти в лес и унести на руках раненного в бою князя. Остальные жители Звенигорода погибли или были уведены в плен. Монголо-татары сожгли город и разрушили укрепления «детинца». Конечным пунктом, где монголо-татарские отряды соединились после опустошения Юго-Западной Руси, был, вероятно, Галич-на-Лукве. По сообщению Рашид-ад-Дина, этот город монгольские ханы осаждали уже «сообща» и взяли после трехдневного штурма. Он был буквально стерт с лица земли. Князь и княжеский двор после погрома покинули Галич и переселились в город Холм, который стал новой столицей княжества. Весной 1241 г. монголо-татарские полчища перешли границу Руси и вторглись в Польшу, Чехию, Венгрию, Хорватию, а потом вернулись в низовья Волги. Нашествие хана Батыя на русские земли закончилось. Предстояло иноплеменное иго, длившееся более двух столетий.

9. Русский щит

«Батыево нашествие», которое сопровождалось опустошением огромных территорий и неисчислимыми человеческими жертвами, оставило глубокий след в памяти народной. Эти события нашли отражение в сложенных народом былинах, песнях, сказаниях, пословицах. То было время страшного народного бедствия и одновременно эпоха героических подвигов в борьбе за независимость родины. Княжеские и церковные летописцы, довольно подробно описывавшие нашествие Батыя, почти ничего не гово-

⁴⁴ Б. А. Рыбаков. Древнерусский город по археологическим данным. «Известия АН СССР». Серия историческая. Т. 7, 1950, № 3, стр. 243.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II, стб. 786.

рили об участии народных масс в борьбе с завоевателями. Сопrotивление монголо-татарам тенденциозно представлялось ими исключительно как дело князей, «святых мучеников» и «страдальцев», а также духовенства, которое своими молитвами обеспечивало «божью помощь». Это и понятно: летописные своды составлялись обычно при княжеских дворах и в монастырях, и летописцы попросту выполняли волю своих хозяев. Однако если внимательно проанализировать даже эти летописные тексты, роль правящей феодальной верхушки в обороне страны предстает в несколько ином свете.

Феодалы, занятые междоусобными распрями, оказались не в состоянии объединить и возглавить народные массы для отпора внешнему врагу. Даже после разгрома Волжской Болгарии, который был прямым предупреждением о готовившемся нападении, князья Северо-Восточной Руси не предприняли никаких попыток объединиться для обороны. Поэтому монголо-татарские завоеватели имели против себя не общерусское войско, а разрозненные дружины и плохо вооруженные ополчения отдельных феодальных княжеств. Ни один из князей, в том числе и великий князь Юрий Всеволодович, не пришел на помощь Рязани. В результате храбрые рязанские дружины погибли в неравном бою «у пределов Рязанских». Открылась дорога завоевателям в глубь русских земель. В свою очередь, когда наскоро собранные великокняжеские полки были разбиты под Коломной, а сам великий князь уехал в глухие заволжские леса собирать новое войско, другие князья явно не торопились к нему на помощь. Даже во время самого нашествия не прекратились усобицы. В 1239 г. между записями о разгроме монголо-татарами Переяславля и Чернигова летописец повествовал о том, что новый великий князь Ярослав, сменивший убитого в битве на Сити Юрия Всеволодовича, «взял град Каменец и княгиню Михайлову со множеством пленных привел в свои волости!»⁴⁶.

Истинным «воителем за землю Русскую» был народ — крестьяне и горожане, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть неравной борьбы с монголо-татарскими полчищами. Героическая оборона русских городов, которые завоевателям удавалось брать, как правило, только после многодневных кровопролитных штурмов, осуществлялась обычно силами местного городского и сельского населения. Так было при осаде столицы Северо-Восточной Руси Владимира, покинутого великим князем накануне решительного штурма. Так было при обороне небольшого города Торжка, где не сказались ни князья, ни княжеской дружины и городские стены защищало посадское население во главе с выборными посадниками. Ни от кого не получая помощи, жители Торжка две недели отбивали приступы Батюя — второе дольше, чем великокняжеский Владимир! Так было при героической обороне Козельска, вписавшей славную страницу в русскую военную историю. Козельский князь «млад был», и инициатива обороны полностью принадлежала горожанам, которые решили «не сдаваться Батюю». Так было и при обороне Киева, в котором тоже не оказалось князя, а обороной руководил «тысяцкий Дмитр». Киевляне упорно защищались и почти все погибли в неравном бою. Храбро, до последнего воина, защищались русские города. Горы трупов захватчиков остались под стенами Рязани, Владимира, Переяславля, Торжка, Козельска, Чернигова, Киева. Не раз русские дружины выходили «в чистое поле» встречать страшных степных завоевателей и в «сече злой» на рубежах рязанских и владимирских земель, и в глубине заволжских лесов, и на укрепленных линиях Киевской земли, и всюду наносили им тяжелый урон. Дорогой ценой заплатили монголо-татарские ханы за разорение русских земель: их войско оказалось ослабленным, обескровленным непрерывными боями. Героическая борьба русского народа против монголо-татарских завоевателей имеет поэтому всемирно-историческое значение. После походов по бескрайним русским равнинам Батый уже не сумел собрать достаточных сил для победного нашествия на Запад. Именно героическое сопротивление русского народа и других народов Восточной Европы (волжских болгар, половцев, аланов) сорвало планы монгольских ханов расширить границы своих владений до «моря франков» и спасло европейскую цивилизацию от разгрома. Народы Западной и Центральной Европы навсегда запомнили ужасы гуннского нашествия. А если бы русский народ ценой неимоверных жертв не обескровил полчища Батюя, новое нашествие кочевников могло бы быть еще ужаснее и опустошительнее. Западную Европу спасли от погрома не тевтонские рыцари, не римские папы с их призывами к крестовому походу, не смерть великого хана Угедея, а крестьяне и горожане земли Русской, которые заслужили за свой великий подвиг глубокую благодарность потомков.

Когда мы говорим, что Русь спасла Европу от монголо-татарского погрома, то имеем в виду не только героическую борьбу русского народа против полчищ Батюя во время нашествия 1237—1240 годов. Ведь и после «Батыева погрома» народные массы не покорились завоевателям: тем потребовалось почти два десятилетия, чтобы утвердить свое господство на Руси. Это-то и помешало Батюю организовать планировавшееся раньше новое нашествие на Запад.

(Окончание следует.)

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I, стб. 469.